

Н.В. Покатилова

DOI: 10.25693/SVG.2020.33.4.0014

УДК 821.512.157-1.09 Баишев-Алтан Сарын

Поэтика в представлениях Г.В. Баишева–Алтан Сарына: опыт филологической реконструкции

Памяти Василия Никитича Протодьяконова посвящается

В статье впервые прослеживается эволюция теоретических представлений в области поэтики филолога-востоковеда и поэта Г.В. Баишева–Алтан Сарына. За короткую творческую жизнь, прерванную репрессиями начала 1930-х годов, ему удалось сформулировать гипотезу метрико-силлабической основы якутского стиха и выдвинуть ряд идей по отдельным вопросам «поэтической техники», аллитерации, языковой обусловленности стиха. Сохранившиеся научные высказывания Г.В. Баишева отражают его последовательную позицию в представлениях о поэтике фольклорного текста (опыт перевода эпоса олонхо) и литературы в целом (собственное литературное творчество), в научной дискуссии о стихе и в спорах по филологической терминологии (о «форме» в литературе). Не раз отмечавшееся современниками тяготение Г.В. Баишева к архаизмам (в широком понимании) оказывается преемственным некоторым представлениям первого якутского поэта А.Е. Кулаковского. Впервые выдвинуто предположение о близости позиции Г.В. Баишева взглядам Е.Д. Поливанова по лингвистической поэтике, а через него – представлениям о «форме» и «поэтическом языке» в концепции поэтики научной школы ОПОЯЗа. В статье предпринята одна из первых попыток реабилитации научной мысли Г.В. Баишева–Алтан Сарына, поэта, лингвиста и исследователя стиха как части поэтики.

Ключевые слова: устная традиция, ранняя литература, поэтика, поэтический язык, поэтическая форма, метрико-силлабическое стихосложение, аллитерация, (первичная) долгота гласных, якутское стихосложение

В одном из докладов нами была отмечена важность для научной позиции Г.В. Баишева–Алтан Сарына преемственности с первым поэтом якутской литературной традиции А.Е. Кулаковским. Правда, преемственность эта не имела ничего общего в плане непосредственной передачи традиций от одного поэта к другому, и, скорее всего, носила типологический характер, преемственность опосредованного плана в том ее понимании, которое восходит к работам Ю.Н. Тынянова [Тынянов, 1977, с. 198], и впол-

не закономерно встречается в литературном процессе. Применительно к обоим якутским поэтам – А.Е. Кулаковскому и Г.В. Баишеву – речь идет о преемственности между ними теоретического порядка, о сходстве в понимании вопросов литературного творчества и представлений о «поэтическом начале». Иными словами, по отношению к этим поэтам можно говорить об определенном характере тождества в представлениях о поэтике в целом и ее элементарных единицах. Заметим при этом, что никаких

© Покатилова Н.В., 2020

прямых высказываний на этот счет ни у того, ни у другого поэта не зафиксировано, но порознь каждый из них оказывается преемственным по отношению друг к другу.

Анализ показывает, что в различных высказываниях А.Е. Кулаковского, в том числе в так называемый «дотекстовый» период (1895–1905 гг.) его творчества уже прослеживается система представлений о поэтике, точнее, предпоэтике, которая в качестве отправной точки опиралась не столько на фольклор, сколько на общие установки уже собственно литературного происхождения, где определяющим был эстетический критерий красоты («красивость») и симметрии («поэтичность»), доминирующее поэтическое начало в литературе. С другой стороны, эти же представления в своей основе были представлениями именно поэта, поэтической сублимацией его творчества, что позволяет определить их как своеобразную «поэтику поэта», то есть поэтическую разновидность рефлексии, в значительной мере определяемой интуицией и проницательностью знатока устной традиции.

Своеобразным венцом теоретических высказываний А.Е. Кулаковского стала его статья, а по существу трактат, отсылающий к традиции «трактатов» по стиху в европейской (Аристотель, Гораций, Н. Буало и др.) и русской словесности (К.В. Тредиаковский, М.В. Ломоносов и др.), отсюда его название – «Правила якутского стихосложения» (1925 г.). Определенные моменты в позиции автора этого трактата как раз были продолжены молодым поэтом 1920-х гг. Г.В. Баишевым. Подобно первому поэту, в исконных формах аллитерационного стиха, а также в традиционной системе «поэтехнических» повторов и сравнений Г.В. Баишев–Алтан Сарын видел основу последующего развития литературы и ее поэтического языка. Архаизирующая тенденция по отношению к традиционной культуре и ее языку («слову поэзии», по выражению Кулаковского) была для него более чем сознательной позицией, отличавшейся целостностью видения и распространяемой на все виды его деятельности. Не раз отмечавшееся современниками [Баишев, 1998, с. 91, 95, 97] тяготение Алтан Сарына к архаизмам воспринималось в большинстве случаев в положительном и даже негативном ключе.

Однако поэтическое, и, скорее всего, теоретическое видение Г.В. Баишева не ограничива-

лось только обращенностью к архаическому прошлому традиции, оно было направлено на будущее и определялось поэтическим новаторством в новых условиях рубежа 1920–1930-х годов. Он сам как поэт и как филолог был подготовлен эпохой становления *поэтики* и *науки о языке*, если учитывать прежде всего научную традицию тюркологических исследований, с которой столкнулся студент Г.В. Баишев в годы обучения в Ленинградском институте живых восточных языков. В этой связи обратимся к некоторым фактам научной биографии Г.В. Баишева, наиболее значимым в аспекте становления его теоретических представлений.

Годы студенчества, или Первые подступы к науке

В годы ленинградского студенчества возникает интерес Г.В. Баишева к поэтике, однако пришел он к ней несколько необычным путем. Еще будучи студентом Ленинградского института живых восточных языков с 1924 по 1928 гг., он начал работать у Э.К. Пекарского, в частности, над переводом олонхо «Ала Булкун» Т.В. Захарова-Чээбия. Необычность перевода Г.В. Баишева, его дословность, строгое (по строкам) следование оригиналу не совсем понравились Э.К. Пекарскому. Между тем уже в этой работе намечается исключительное внимание Алтан Сарына к языку устного текста, к его поэтической форме. Исходным для него становится возможность передачи «своеобразности форм и закономерностей якутского языка» [Ала-Булкун, 1994, 98]. Задача переводчика видится в максимальном сохранении языковых, а в широком их понимании – поэтических особенностей, включая не только грамматические формы, но и систему тропов и фигур речи, то, что определяет своеобразие и богатство эпического языка. Обращает на себя внимание в этой связи скрупулезность и местами «дословность» передачи не только параметров «устного» памятника, но и его «поэтического» членения на смысловые синтагмы и даже в некоторых случаях на единицы повторяемости. Тем самым переводчику удалось в какой-то степени если не вычленив целиком, то интуитивно представить внутренний ритм, связанный со стихотворной организацией текста, несмотря на то что изначально Э.К. Пекарским был предоставлен «сплошной» (прозаический) текст. Тем самым в

опыте перевода языка устного эпического памятника решающим оказалось языковое чутье молодого поэта. В свою очередь именно Г.В. Ксенофонтов одним из первых отметил у молодого Г.В. Баишева «знание языка», его тонкое «художественное» чутье, какое не всегда встретишь среди молодого поколения [Баишев, 1998, с. 42].

В эти же годы собственно поэтическое творчество Алтан Сарына также становится экспериментальным полем апробации как традиционных, так и окказионального плана поэтических средств и возможностей языка, используемых в равной мере в поэзии и в прозе. Уже здесь очевидна общая направленность его поисков по соединению поэзии и прозы в аспекте «поэтического» в тексте (поэтизм), предвосхищение теоретических разработок по стиху в собственном научном творчестве [Баишев, 1998, с. 57]. Тем самым этот период деятельности Алтан Сарына следует рассматривать как начало его творческого и одновременно научного становления, что еще предстоит исследовать.

Знаменательным для Г.В. Баишева в годы обучения в Институте живых восточных языков оказалось непосредственное соприкосновение с петербургской-ленинградской школой филологии. К 1928 г. относится издание фундаментального курса «Введение в языкознание» одного из самых популярных профессоров университета Е.Д. Поливанова. В течение нескольких лет он читал этот курс специально для студентов востоковедных специальностей. С учетом специфики аудитории курс охватывал почти все восточные языки, демонстрируя на разнообразном языковом материале блестящую эрудицию и фундаментальную, в том числе компаративную подготовку автора. Профессор Е.Д. Поливанов принимал самое непосредственное участие в создании С.А. Новгородовым якутской письменности, и, возможно, имел отношение и к научной судьбе Г.В. Баишева.

Выдающийся лингвист Е.Д. Поливанов стоял у истоков ОПОЯЗа (больше известного под названием «формальной школы»), являясь одним из разработчиков его лингвистического направления. В промежутке с 1926 по 1937 гг. известно тесное сотрудничество Е.Д. Поливанова с Пражским лингвистическим кружком (ПЛК), продолжавшим научные традиции и проблема-

тику ОПОЯЗа. Наиболее интенсивными в этот период стали публикации Е.Д. Поливанова в изданиях ПЛК, осуществлявшиеся не без участия Р.О. Якобсона. Одной из самых обсуждаемых для пражцев первого поколения была проблема языковых механизмов функционирования «поэтического языка», а также закономерностей построения структуры (или метрики) стиха на фольклорном преимущественно материале [Трубецкой, 1989, с. 350–407, Якобсон, 1987, с. 39–47, 106–118, 133–139]. Недавно опубликованные лекции Р.О. Якобсона свидетельствуют о том, что проблемы «поэтической формы» и соответственно «поэтического языка» были затронуты в качестве программных в научной школе ОПОЯЗа и продолжены в эмиграции в рамках ПЛК [Якобсон, 2011, с. 11].

В исследованиях 1920-х гг., близких к концепции ОПОЯЗа, именно отечественное стиховедение как специальное, теоретически ориентированное направление, а в нем – проблема соотношения «языка и стиха» (начиная с первых работ Б.В. Томашевского [Томашевский, 1929], Р.О. Якобсона [Якобсон, 1923]), становятся одним из ведущих научных приоритетов мирового уровня. Именно в этом разнообразном контексте научных поисков следует рассматривать представления якутского поэта и исследователя Г.В. Баишева в его научном, поэтическом и даже полемическом творчестве.

Возвращение: «Теория стиха» и ее осколки

По возвращении на родину Алтан Сарын активно подключается к работе по языковому строительству, его назначают ученым секретарем Комитета якутской письменности (КЯП). В рамках работы в КЯП он пишет ряд статей по вопросам алфавита, орфографии, терминологии, в том числе заимствований из разных языков, по отношению к которым Г.В. Баишев занимал особую, независимую позицию. Подробнее это освещено в ряде содержательных статей современных якутских исследователей [Баишев, 2000]. Во всех случаях поражает обоснованная научная основа видения Г.В. Баишевым, казалось бы, разных, но взаимосвязанных между собой проблем и вопросов. В документах КЯП сохранились сведения о том, что, помимо основной деятельности в качестве ученого секретаря, Г.В. Баишеву была поручена подготовка работы по теории якутского стиха. Эта рабо-

та вписывалась в рамки и в планы общей деятельности Комитета. В связи с этим были даже определены сроки написания «Теории стиха»: декабрь 1929 – январь 1930 гг. [РФ АЯНЦ СО РАН Ф.5. Оп. 4. Ед.хр. 1]. Однако именно на это время приходится «второй» арест Алтан Сарына и суд над ним.

Лучшим и в свое время непонятым достижением Г.В. Баишева-филолога стала разработка им гипотезы о фонологических в своей основе особенностях традиционного якутского стиха, основанного, по его мнению, на квантитативном принципе сочетания долгих и кратких слогов, а языковым обоснованием этой гипотезы стала «первичная долготы гласных» якутского языка, имеющая длительную традицию изучения в мировой и отечественной науке. Исходным для исследователя оказалось представление о языковых закономерностях, предопределяющих природу и структуру национального стиха. Опора в этой связи на исконную, *устную* традицию стиха, становится для него принципиальной позицией.

Гипотеза Г.В. Баишева не дошла до нас в изложении самого автора, о ней можно составить представление лишь по пересказам и достаточно полемическим версиям восприятия и оценки отдельных участников дискуссии о стихе. К ним относятся реферирование этой работы в докладе П.А. Ойунского, содержащее в отдельных случаях противоречивые моменты [Ойунский, 1962], критические и местами полемические высказывания других поэтов [Эллай, 1928; Кюндэ, 1927], а также итоговая книга А.А. Иванова-Кюндэ, опубликованная уже после ареста и, видимо, гибели Г.В. Баишева [Кюндэ, 1979].

В смелом предположении Алтан Сарына об изначально квантитативной основе якутского стиха некоторые из его современников увидели ничем не обоснованные фантазии на тему стиха, признали «теорию» непригодной для целей массового распространения [Ойунский, 1962, с. 124], а внимание в целом к форме и к ее внутренним элементам было воспринято одним из участников дискуссии С.Р. Кулачиковым-Эллеем в качестве «искусственного явления, искусственного насаждения европейской культуры языка» [Ойунский, 1962, с. 127].

Резкое неприятие гипотезы Алтан Сарына чередовалось с двойственным к ней отноше-

ем. Ярким примером этого была позиция П.А. Ойунского, которому в большей степени импонировала идея (по его подсчетам – целых шести!) языковых закономерностей, лежащих в основе стиха и определяющих его внутреннюю структуру. В то же время подчеркивалось, что «в теории, призванной на службу широким массам малограмотного населения, ... такая бесконечность и дробность теорий нежелательна». При этом под «дробностью теорий» имелись в виду «формы и подформы стиха» [Ойунский, 1962, с. 124]. В то же время в заключительных выводах по дискуссии о стихе П.А. Ойунский возвращается к концепции Г.В. Баишева, говоря о том, что «наши поэты ... не владеют языком, не умеют строить этим языком и создавать музыку слов, вплоть до метрико-силлабической системы» [Ойунский, 1962, с. 127]. Это высказывание все же следует рассматривать как частичное признание концепции Г.В. Баишева и ее определенном влиянии на П.А. Ойунского. В контексте высказываний последнего в его первом докладе 1928 г. о предварительных итогах обсуждения основ якутского стиха еще сохраняется осознание им научной значимости идей, высказанных молодым поэтом [Ойунский, 1928].

Еще более интересным представляется рассмотрение метрико-силлабической системы в итоговой работе Иванова-Кюндэ, причем без указания автора идеи. Возможность использования метрической системы стихосложения иллюстрируется здесь широким историко-литературным контекстом от древнегреческого до древнеиндийского (на санскрите), японского и арабского стиха. Автор не прочь продемонстрировать свою эрудицию в знании всех 28-ми морных стоп древнегреческого стиха и т.д. Одновременно без упоминания имени Г.В. Баишева приводятся некоторые метрико-силлабические примеры (правда, в сильно усеченном виде), что и в докладе П.А. Ойунского, но в противоположном значении – в качестве примеров «невозможности» такой формы стиха на практике [Кюндэ, 1927, с. 49–50].

Языковая и метрическая парадигма якутского стиха

Обратимся к концепции самого Г.В. Баишева, по возможности, реконструируя ее по высказываниям других участников дискуссии о стихе. Среди всех участников этой дискуссии позиция

именно Г.В. Баишева выглядела наиболее лингвистически обоснованной, поскольку в своих заключениях он исходил из анализа закономерностей самого языка. Речь у исследователя шла о том, что метрика якутского стиха в конечном счете обусловлена «первичной» долготой гласных, сохранившейся в якутском языке.

Реферирование «теории Баишева» П.А. Ойунский начинает с предложенного Г.В. Баишевым разграничения гласных звуков якутского языка на 4 группы: долгие, полудолгие (дифтонги), краткие, кратко-ударные. Идея долготы гласных, по его мнению, стала ключевой для молодого исследователя, что дает возможность «стихосложения по метрико-силлабической системе» [Ойунский, 1962, с. 126]. В неясном, на первый взгляд, детальном разграничении долгих и кратких гласных на самом деле был сосредоточен немаловажный фонологический (а в перспективе – и акцентуационный) фактор, определяющий метрическую систему [Поливанов, 1973; 2014, с. 14–16; 1927]. В этом моменте следует предположить, что образцом для Г.В. Баишева в характеристике гласных по принципу долготы и краткости послужила, по всей видимости, лингвистическая концепция Е.Д. Поливанова [Поливанов, 2002, с. 198–202, 204], изложенная им в его знаменитом «Введении в языкознание для востоковедных специальностей» (1928 г.) и апробированная устно на нескольких поколениях студентов-востоковедов. Для Поливанова был характерен комплексный подход к проблемам языка, умение улавливать за тем или иным единичным приемом поэтической техники явление, ведущее к типологическим параллелям и к компаративному решению, в большинстве своем «достижимым реконструктивным методом» [Поливанов, 2002, с. 196]. Ярким примером этого являются почти все без исключения работы ученого по поэтике [Поливанов, 1963; Поливанов, 1968, с. 306–309, 310–313; Поливанов, 1973; Поливанов, 1980; Поливанов, 1991, с. 457–473; Поливанов, 2014].

Примечательно, что в терминологии Г.В. Баишева нет словоупотребления «квантитативный стих» или «метрический стих», хотя сохранилось единственное, относительно «раннее» (публикация начала 1929 года, но подготовлена значительно раньше) разъяснение автором «метрического» принципа [Баишев, 1998, с. 57], по-

нимаемого, однако, в достаточно широком ракурсе соотношения «устного» и «письменного» типов текста. Здесь деление на «долгие» и «краткие» слоги дается на примере жанра *тойук* как фольклорного, так и литературного происхождения. Во взглядах самого Г.В. Баишева есть существенные различия между его представлениями 1924 и 1928 гг. и начала 1929 и 1930 гг., хотя речь идет о сравнительно небольшом отрезке времени, что в целом свидетельствует о стремительности его собственной эволюции как автора идей, что еще предстоит исследовать на конкретном материале созданных им текстов, как поэтических, так и научных.

В рамках главной гипотезы Г.В. Баишева о внутренней структуре якутского стиха обращает на себя внимание сочетание двух принципов «метрического» и «силлабического», а сама предполагаемая система стихосложения обозначена как «метрико-силлабическая». Иными словами, в этой «теории стиха» речь идет уже о собственно *метрическом*, то есть квантитативном принципе организации стиха. Возможен также и другой вариант трактовки термина, которым пользовался якутский исследователь. Согласно современным представлениям, общиндоевропейский стих был в своей основе двойственным (силлабо-метрическим), сочетая в себе, с одной стороны, силлабическую тенденцию от начала стиха и, с другой стороны, квантитативную (метрическую) концовку от конца стиха. В то же время силлабическая тенденция, по определению М.Л. Гаспарова, на самом деле представляла собой совершенно другой тип силлабики, поэтому ее дополнительно обозначают в качестве «первоначальной силлабики» [Гаспаров, 1989, с. 12–13, 14–15].

Значение «метрико-силлабической» гипотезы Г.В. Баишева определялось изложением впервые идеи «квантитативной» или «метрической» в целом природы якутского стихосложения. Определяющим в ней оказалось лингвистическое обоснование аллитерации как основополагающего принципа в метрике стиха. При этом для Г.В. Баишева, вслед за А.Е. Кулаковским в его «Правилах якутского стихосложения», была характерна апелляция в определенной степени к архаике, к аллитерационному прошлому стиха. Однако в новых условиях и реалиях филологического знания Г.В. Баишев, по всей ви-

димости, представлял это обращение к прошлому в рамках гипотетических компаративных построений научного плана. Отсюда и его предположение о том, что «метрический» (квантитативный) принцип отчасти связан с силлабической тенденцией, что закреплено в его термине «метрико-силлабический» (ср.: древнеиндийская силлабика на санскрите). Сравнение такого плана (правда, в виде упоминания вскользь) всплывает в итоговой работе А.А. Иванова-Кюндэ [Кюндэ, 1979, с. 220].

К вопросу о влиянии идей Е.Д. Поливанова: «поэтическая форма» в поэзии и в науке о поэзии

Между тем следы поливановского влияния, но уже не только в области стиха, но и поэтики в целом обнаруживаются в еще одном, наиболее трагическом эпизоде биографии якутского поэта и ученого. Этот эпизод из жизни Алтан Сарына достаточно подробно освещен в научной литературе о нем. В этой связи сошлемся на одного из первых биографов писателя – В.Н. Протодьяконова. В ряде составленных им книг впервые были сосредоточены документальные материалы об Алтан Сарыне [Баишев, 1998, с. 7–8; Баишев, 2000, с. 7–13].

В начале 1930 г. Алтан Сарыну пришлось вступить в спор о «форме» в литературе на страницах газеты «Молодой большевик». Необоснованные упреки в архаизации и идеализации прошлого, в ностальгии по нему с быстротой нарастающего снежного кома превратились в обвинения в безыдейности, увлечении только формой и искусственном разъединении «формы» и «содержания» в литературном тексте. Критика была начата Н.М. Заболоцким (№ 5 от 7 февраля 1930 г.), писавшим под псевдонимом Сэттэ Бытык, и подхвачена редакциями газеты «Молодой большевик» и журнала «Красная тропа». Началась травля Алтан Сарына.

Обратимся в этой связи к тексту ответов Алтан Сарына, также опубликованного в газете «Молодой большевик» (№ 13 от 7 апреля 1930 г.). Приведем из него самый кульминационный фрагмент ответа Г.В. Баишева на критику: «Атыннык эттэххэ, мин суруйарга наар тыл киэбин, кини артаһыгын эрэ сатамдытын булан, уустугурдар дьяныардаахпын. Нууччалыы эттэххэ, я интересуюсь техникой изложения и формой и стараюсь культивировать новые формы» [Баишев, 1998, с. 221].

Приведенное высказывание Алтан Сарына представляет собой формулировку своеобразного творческого кредо писателя. В его подтексте скрыт глубинный смысл, для раскрытия которого ему понадобилась двойная формулировка: на поэтическом языке авторского «я» писателя и на профессиональном языке филолога. В первом случае автор относит себя к писателям, склонным (казалось бы) к импрессионистическим заметкам об увиденном, поэтическим наблюдениям и раздумьям, фиксируемым в письменном тексте. Во втором случае появляются терминологические обозначения, имеющие отношение к специфике словесного творчества, к терминам поэтики. В целом любопытен переход автора от бытового двуязычия, скорее всего, к культурному двуязычию своего высказывания, изложению своей позиции на родном и русском языках. Вместе с тем обе формулировки – на родном языке и на русском – не всегда представляют собой адекватный и дословный перевод. При этом «терминологическое», условно говоря, определение на русском явно уступает поэтичности (художественности) высказывания на родном языке. Именно поэтому то и другое следует рассматривать в совокупности целого, как своего рода нюансировку на разных языках поэтически-художественного целого. В первой части высказывания на родном языке превалирует интуитивное осознание поэтического целого, во втором – преобладает момент терминологического уточнения этого целого, акцентируется возможность его рефлексирования. Во всяком случае, обе формулировки Алтан Сарына соотносятся по принципу дополнительной дистрибуции, оттеняя друг друга.

Уже по ответам Алтан Сарына своим оппонентам видно, что и представители редакций газеты и журнала, и Н.М. Заболоцкий под «формой» имели в виду совершенно противоположное тому, что этим понятием обозначал Баишев-лингвист и та школа лингвистических и поэтологических представлений, которая стояла за ним. В лексиконе оппонентов Алтан Сарына форма обозначалась словом «куорма», представляющим собой кальку с русского слова «форма». При этом форма и содержание, в словопотреблении критиков Алтан Сарына *куорма* и *хоһоон*, разводились по разные стороны, что очевидно по замечаниям ответредактора га-

зеты «Молодой большевик» И.Н. Жиркова. Здесь же заметно, что слово *хохоон* в значении «содержание» стало нововведением для конца 1920-х годов, отличаясь от традиционного словоупотребления слова *хохоон*, многозначного уже во времена Кулаковского: в значении: (1) стих, (2) стихотворная, мерная речь, (3) говорное начало в противоположность песенному, (4) стихотворная часть в составе переходной формы *ырыа-хохоон* («песня-стих»). Тем самым возможность разъединения *формы* и *содержания* уже была заложена в неточном терминологическом обозначении этих понятий на якутском языке. Обозначение «куорма» в значении «форма» становится популярным в негативном ключе, также как «форма», «формалист» в русской культуре начала 1930-х гг., олицетворяя собой обвинения в формализме. Самым страшным в этой ситуации было то, что в разъединении одного целого «формы» и «содержания» обвинялся ... писатель Алтан Сарын [Баишев, 1998, с. 223].

Между тем в понятие «формы» Г.В. Баишев–Алтан Сарын вносит более широкий смысл, подразумевая под ней именно «поэтическую форму» как таковую (чего еще не было у А.Е. Кулаковского), а рефлексия по ее поводу возможна только на языке науки. Принципиальной представляется синонимичность использования Г.В. Баишевым понятий «форма», «техника изложения», «новая форма» в рамках одного высказывания. В этом ряду особо следует выделить понимание формы как поэтической «техники изложения», что, на наш взгляд, восходит к терминологии Е.Д. Поливанова, к ключевому для его работ по поэтике понятию «поэтехники» или «поэтической техники», «техники стихосложения» [Поливанов, 1963; Поливанов, 1968; Поливанов, 1973; Поливанов, 1980; Поливанов, 2014, с. 142, 144, 154].

Тем самым Г.В. Баишев–Алтан Сарын впервые своим выступлением обозначил, с одной стороны, завершение поэтической традиции осмысления сущности поэзии, ее поэтической формы поэтами, начатой А.Е. Кулаковским, и, с другой стороны, одновременное начало уже теоретической рефлексии по поводу «формы», всегда «поэтической» (в теоретически широком понимании) для литературного текста, и в этом смысле обладающей «поэтической функцией»,

доминантной для поэзии и всего поэтического в литературе в целом, в том числе и в прозе. Все это на самом деле означало существенный сдвиг в понимании «формы» в сторону ее категоризации в первую очередь в качестве «поэтической формы». Расширение в этом случае и в новых условиях понятия «формы» означало кардинальный поворот в сторону новейших научных представлений о «поэтике», в основе которых на первый план выдвинуто понятие (внутренней) формы (ОПОЯЗ) или структуры (ПЛК), предвосхищающих изучение «текста» как такового.

Первыми подступами к создаваемой Г.В. Баишевым «Теории стиха» следует считать публикации его статей, дошедших до нас. Все они представляют собой концептуальное изложение общего подхода исследователя по вопросам языка и языкового строительства, письменности и алфавита, спорных проблем терминологии и соотношения устной и письменной речи и потому взаимосвязаны между собой. Особо в этом ряду следует выделить разработку исследователем идеи (со)существования в новых условиях рубежа 1920-1930-х гг. двух типов текста: устного (фольклорного) и письменного (литературного), имеющих разную природу текстуализации.

В публикациях и высказываниях Г.В. Баишева последних лет отчетливо проступает характерный для 1920-х гг. интерес к поэтике в целом, однако и в этом общем обращении к поэтике у якутского поэта находятся своеобразные черты, актуализирующие именно его понимание поэтики. К ним следует отнести глубинное понятие «формы» как непременно «поэтической» в широком понимании, акцентирующей момент появления в тексте «поэтической функции». Литературный текст в его представлении – результат творческого процесса создания, его «делания», последовательного развертывания по принципу создания чего-то живого и целого. Вербализация этого целого – это не что иное, как постоянное оттачивание языка, усиление его искусности (*уустугурдар*), подобно любому ремеслу («деланию»). В этом плане Алтан Сарын возвращается к понятию «технэ» в «Поэтике» Аристотеля. Аристотелевское «технэ» превращается у поэта в поэтическую «технику изложения», в рефлексии же филолога (лингвиста) – в «поэтехнику» (поливановский термин). В этом же

широком ракурсе «поэтической формы» может рассматриваться понятие *стиха* и *метрики стиха* как закономерностей построения стихотворной речи вообще (ср.: *хоһоон* – как обозначение мерной, стихотворной речи), достаточно широкое представление об аллитерации, как анаграммоподобного типа повтора [Соссюр, 1977, с. 642, 644].

Г.В. Баишев–Алтан Сарын в якутской культуре олицетворял собой (по)явление нового поколения поэтов XX в., приблизившихся к поэтике как научной рефлексии, но поэтическое и научное наследие которых представляет собой целостность широкого *поэтического* видения, реализующегося и в поэзии, и в науке. Он стоял у истоков новаторских представлений о «форме» в якутской литературе, ее «поэтической» сущности и закономерностей порождения как *устного*, так и *литературного* текста. Не все в этой миссии успел осуществить Алтан Сарын, но главным в его наследии остается возможность новаторских форм в поэзии и в прозе, основанная на теоретическом предположении в области поэтики и интуитивном осознании языковых форм.

Литература и источники

Ала-Булкун. Якутское олонхо. Сказитель Т.В. Захаров–Чээбий. Запись В.Н. Васильева / Перевод Г.В. Баишева–Алтан Сарына (Образцы народной литературы якутов, издаваемые под ред. Э. К. Пекарского. Вып. II). – Якутск, 1994. – 104 с.

Баишев–Алтан Сарын Г.В. Тоҕус этин тойуга / Песнь девяти небес. Избранное / Сост.: В.Н. Протодияконов. – Якутск: Бичик, 1998. – 384 с.

Баишев–Алтан Сарын Г. В. Сборник научных статей. – Якутск: ИГИ АН РС(Я), 2000. – 174 с. (на як.яз.).

Гаспаров М.Л. Очерк истории европейского стиха. – М.: Наука, 1989. – 304 с.

Кулаковский А.Е. Научные труды. – Якутск: Як. кн. изд-во, 1979. – 484 с.

Кюндэ /Иванов А.А./ Об якутском стихосложении // Якутские зарницы. – 1927. – № 3. Сент.-окт. – Якутск: изд-во кооперат. «Ленинец». – С. 48–54.

Кюндэ /Иванов А.А./ Саха поэзиятын уус-уран курмат (Художественная форма якутской поэзии) // Кюндэ. Кыһар тунат. Кэлсээннэр, хоһооннор, пьесалар, ыстатыйалар, ахтыылар. (Алое зарево. Рассказы, стихи, пьесы, статьи, воспоминания). – Якутск: Як. кн. изд-во, 1979. – С. 215–269 (на як.яз.)

Ойунский П.А. О теории якутского стихосложения // Бюллетень Наркомпросздрава ЯАССР. – 1928. – № 6–8. – С. 42–45.

Ойунский П.А. Сочинения в 7 томах. Т. 7. – Якутск: Як. кн. изд-во, 1962. – С. 121–127.

Поливанов Е.Д. Избранные работы: Труды по восточному и общему языкознанию / Составление, послесловие, комментарии и указатели Л.Р. Концевича. – М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1991. – 624 с.

Поливанов Е.Д. К вопросу о долгих гласных в общетурецком праязыке // Доклады Академии наук СССР. Серия В. – 1927. – № 7. – С. 225–235.

Поливанов Е.Д. Общий фонетический принцип всякой поэтической техники // Вопросы языкознания. – 1963. – №1. – С. 99–112.

Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. – М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1968. – 376 с.

Поливанов Е.Д. О приеме аллитерации в киргизской поэзии в связи с поэтической техникой и языковыми факторами других «алтайских» народностей // Проблемы восточного стихосложения. Сб. статей. – М.: Гл. ред. вост. лит., 1973. – С. 100–106.

Поливанов Е.Д. Рифмология Маяковского // Известия Академии наук. Отделение языка и литературы. – 1980. – Т.39. – № 2.

Поливанов Е.Д. Введение в языкознание для востоковедных вузов. Изд. 2-е, стереотипное. – М.: URSS, 2002. – 222 с.

РФ АЯНЦ СО РАН. – Рукописный фонд Архива Якутского научного центра Сибирского отделения РАН. Ф.5. Оп. 4. Ед.хр. 1.

Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. Пер. с фр. под ред. А.А. Холодовича. – М.: Прогресс, 1977. – 696 с.

Томашевский Б.В. О стихе: Статьи. – Л., 1929.

Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. – М.: Прогресс, 1989. – 560 с.

Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. – 576 с.

Эллий Уранхаев. /Кулачиков С.Р./ Звукопись в якутской поэзии // Якутские зарницы. – 1928. – № 1. Янв.-февр. – С. 40–48.

Якобсон Р.О. О чешском стихе преимущественно в сопоставлении с русским // Сборники по теории поэтического языка. Вып. 5. – М., 1923.

Якобсон Р.О. Работы по поэтике. – М.: Прогресс, 1987. – 462 с.

Якобсон Р.О. Формальная школа и современное русское литературоведение. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 280 с.

Словари

Поливанов Е.Д. Словарь лингвистических и литературоведческих терминов / Сост. и публик. мат-лов Л.Р. Концевича. Изд. 2-е, доп. – М.: URSS, 2014. – 185 с.

N. V. Pokatilova

Poetics in the Representations of G.V. Baishev–Altan Saryn: Experience of Philological Reconstruction

In memory of Vasily Nikitich Protodyakonov

The article for the first time traces the evolution of theoretical ideas in the field of poetics of the philologist-orientalist and poet G.V. Baishev–Altan Saryn. During his short creative life, interrupted by the repressions of the early 1930s, he managed to formulate a hypothesis of the metrical and syllabic basis of Yakut verse and put forward a number of ideas on certain issues of “poetic technique”, alliteration, and language conditionality of poem. Preserved scientific statements of G.V. Baishev reflect his consistent position in his ideas about the poetics of the folklore text (the experience of translating the Olonkho epic) and literature in general (his own literary work), in scientific discussions about poem and in disputes over philological terminology (about “form” in literature). The attraction of G.V. Baishev to archaisms (in a broad sense), which was repeatedly noted by his contemporaries, turns out to be consistent with some of the ideas of the first Yakut poet A.E. Kulakovsky. For the first time, it was suggested that the position of G.V. Baishev is close to the views of E.D. Polivanov on linguistic poetics, and through him—ideas about “form” and “poetic language” in the concept of poetics of the scientific school of society for the study of poetic language.

The article makes one of the first attempts to rehabilitate the scientific thought of G.V. Baishev–Altan Saryn, the poet, linguist and researcher of poem as a part of poetics.

Keywords: oral tradition, early literature, poetics, poetic language, poetic form, metrical and syllabic versification, alliteration, (primary) vowel length, Yakut versification

